

Л.К.

х х х

Рассыпавшийся мир собирают иначе:

Дуся - иначе,

Коля - иначе,

Галактионов - иначе.

Плакал старик:

он ничего не собирал, ничего не понимал, ничего
не помнил,

Кажется должен быть раб,

Кажется должен быть ад,

Кажется была бanya и наградные?

Бельмо было?

Белые были?

Белье было?

Правильно Дуся!

Коля - молодец!

Галактионову - "хор"!

Кричали: "Зосиму!"

Вызывали Завадскую, Блаватскую, Мусорского.

/Евтушенко вытолкали в шею свои же/.

Отныне:

Петербург, а не Ленинград,

Царское Село, а не Пушкин,

Репин от репы.

Чурлениса не внесли,

Ставского не оставили.

Ундру забыли

Так и жить - испокон?...

Пролежень старого снега,

выше - солдатский погон,

еще выше - Вега!

На перрон!

...Никого.

Сундуки, чемоданы, кари,

больного несут санитары -

агония или огонь?

Кажется Омск.
Кажется караульня.
Кажется сегодня.
Кажется вчера.

На каком этаже Сезан?
На какой странице Слово?
Где-ресторан?
В каком столетье Казанова?
Где ты?
Где я?
Где мы?
Ведь были Поганкины палаты!
Всюду
плюшевые львины,
избитые казенными ватой.
Где вещь?
Что такое вещь --
отражение, выражение, отожествление?
Если емко, - где купол?
Если копоть, - где огарок?
- Зачем? Все глупо!
- Начнем с номерок.
Но ренессанс раскинул сеть кустарных мастерских -
продается, меняется, славится
что-то чудовищно важное...
Думал о вселенной -
впал в транс,
вселенное - выражение многоэтажное.
На шестом этаже хижин.
Вообще, живу повсюду.
В портфеле ношу
белье, машинку, посуду.
Щорох плаща,
ход натощах.
Кивок через улицу.
На площадях
перегугиваемся.

.....

Еще играет музыка,
взимают налоги,
транспорт действует,
но уже никто не верит,
что Бога нет.

Еще вытираем ноги,
моем окна,
пальто вешаем на вешалку,
но никто не собирается жить в будущем.

Еще говорим о переменах
и близительны, какочные животные,
но разве мы не знаем,
что наша жизнь абсолютно никого не интересует.

Будем крепче любить друг друга,
покупать цветы, поздравлять с днем рождения,
но не уверяй другого,
что ты отзывчив,
предан
и морально устойчив.

Когда приходит ночь
и город полон гулом
мчащихся авто,
я расстаюсь со стулом
и надеваю старое пальто.

Расстрелянны дэнцелями
как призраки ищем на встречи.
Но тусклоронные аварии
в полуторонней речи.

Торчит на улице
дежурный молодец,
Мать там, где запах валерьянки.
Всегда начало

и всегда конец:
звонарь истории
давно, пожалуй, пьяный.

Ты, родина, десантная баржа,
не то плывешь, не то беспечно тонешь,
на "Джном" и на "Северном" хоронишь,
и богохульствуешь
в три этажа.

Синий спектакль Анджуя.
Тевтонские тени в лесах.
Я запрягаю винты,
дирижируя
на
антечных весах,
на плоскостях
спуска,
отвесе
старта...

Вверху -
меланхолическая лангуста,
внизу -
суровая Спарта.

Уклончивой мышью китайца,
касаюсь складок бояз.
Распутываю кольца
Венского вальса,
а дождь закрывает мост.-
А где-то крадется марш -
фанерное изваяние, -
волеизъявление
и кровоизлияние.

Поставь свечу. В пещерах полумрак.
На ветоши лежать по-царски мы умеем.
Кто-то вошел и сел,
сказал: "Доктор".
Что-то сказал: "Отвали к иудеям."

Проехай муку и пойдя почтани.
Внизу равнина и дыханье масс.
К нам прибывают из вселенной корабли
изготовленные фирмой "Фантомас".

Консервы, прифт и шифр. Ну, и лица
у господина из вселенной.
На пальце указательном кольцо
и обещание возмездий.
Кому? Зачем? —
переговоры тайны.

Мне показали с шепотом портрет.
И показалось, что случайно,
ни у кого с ним сходства нет.

РЕЖИССЕР НАЧИНАЩЕМУ АКТЕРУ

Вы сошли с ума.. Перестаньте обращаться в зал!
Поймите раз и навсегда: Никакой РОЛИ ПУБЛИКА НЕ
ИГРАЕТ.

Говорите, черт возьми, обращаясь к партнеру!
Смотрите, как он прекрасен в своем отлично сшитом
костюме,
с морщинами старого льва и уголовника!
Он счастливо соединил в себе грубость извозчика
с мудростью византийского чиновника.
Какой характер!
Какая карьера!

Умчалось время.

Город пуст.

И женщин нет — одни Маруси.

Вместо поэзии — лишь бисты Фирдоуси, —
вот потому

и грусть.

.....

Когда разбили вверь и склад открыли,
там были штабеля и бочек, и мешков,
набитых дынью,
и извращающ солдат
трудился над отчетом.

.....

Никто не покинет корабль.
Под мухой всегда капитан.
Давно ничего о морали
не вякает капелан.

Грохочет стальная машина.
С механиком заодно
пьют кочегары шальные
ворованое вино.

Команда ругает баланду:
"Бывало наварит матъ щи..."
За вредную пропаганду
Заперт в трюм бунтовщик.

Никто не покинет корабль.
Под мухой всегда капитан.
Давно ничего о морали
не пудрит мозги капелан.

.....

Я знаю,
они скажут: "Иди и делай!" —
и повернутся ко мне спиной.
Когда вернусь,
я опять увижу эти спини.
Они посмотрят на меня из-за плеча так,
как будто я пришел их упрашивать завести мою пружину,
и как будто увидеть их
должно мне что-то стоить.

Я сам повернулся к ним спиной.
Иду и делаю.
Мир бежит мне навстречу
и его дыхание смешивается с моим.

.....

Окрестности великих крепостей
кишат ворами

и беглыми рабами,
торговцами подержанных вещей,
мятежной злостью всех Вандей,
тайщейся
за сумрачными лбами.

Есть беглецы из королевского оркестра,
полковник

выкинули казарм,
картечники,
пьянчуги
и жандармы,
после ревизии оставшийся без места.
Поэты есть для шлюх и для масонов,
опальный бывший иерей,
еврей, известный как еврей,
и отщепенцы
всех уклонов.
...Косят на свалке ублюдки воробья,
В церковных скверах

ворокат старухи,

все оплели апокалиптические слухи,
и люди здесь скитаются, как духи,
и среди духов
обитают
я.

.....

Еще кричит первь перебитый,
и шапкой пены рот покрыт.
О мой народ, еще ты не убит,
но беззащитен перед битвой.

.....

"Что стоит человек во прахе путешествий!"
Пересекает чей-то материк.
Вот он лягя, конвойр: и старик,
с морщинами дорожных происшествий.

.....

Идешь конторой или лесом,-
живешь во сне или наяву, -
почаще пользуйся отвесом,
и не вертись
крученым бесом -
не осирайся на Москву.

.....

Вы говорите: "Вновь пришла тоска,
она на этих листьях клена, -
она стучится в запятой виска,
и в доцелуе вежливо-влюбленных".
Да, да! Тоска!

Духовный наш ракит.

В пространстве незаметны перемены,
все темн^{хе}ящиеся сирени, -
но на свободе плюшевый бандит.

Тоска, тоска!

стонет в отделах винных,
тоска в признаниях с довиной,
и в том, что стала редкостью треска.

Что может быть, однако,

лучше скуки!

Дверь на крючок

за окнами покой,
дешевый чай,

попошенные брюки,

о сплине

книга под рукой.

И знать: — все пребывают

в эгзизме,

прузья и непруги,

и автор книги сей,

а на полях шиний

моей большой отчизны

царит порядок

мыслей и вещей.

Что женщины по-прежнему

упреки,

И также непутева,

детвора,

о философии бомжей и Махаяны

некомпетентность

спорят до утра.

Часы идут,

вода течет из крана,

мы победили на большой войне,

а что касается Ирана, ..

историк опрацывает нас вдвойне.

И сквозь хандру,

тоску и скуку

приятно видеть,

зреет благодать...

Я все сказал
 про мудрую науку.
Добавлю только:
 "Пшел и наплевать."

Что толку век прошел,
траву сминая и круша посуду,
по детскому - "и, маме́цька, не буду",
все подвергая пересуду, -
и Пат, и Наташени

Что толку век прошел -
пругих эпох пиши огрызок,
под хруст верхов, по крохоборству низа,
по каше из венков, как по карнизу -
Лунатик? Психопат? ... Смешон!

Что толку век прошел!
Его лица
 не удержать музеиным свалкам,
Ему во след - за катафалком
играем музыку с листа -
скребем стекло ножом.

Что толку век прошел!
При юморе драград
Какой парад чудовищ монстров!
Так затоптать наш милый остров
под оптимистическое "

Что толку век прошел!
... И вижу, -
 то образ верный, а не сон:
Мясное галифе
 влечет по живе грязу -
смертельно белый,
осатанелый
слон.

Убитый кит. И грозовое облако.
Внушающий боязнь ураган.
У берегов, давно забытых стран,
язык непонимаемого колокола.

Какой расчет
у вздыбленных валов!
Не ли брызги в партитуре?
Когда погибли музыканты в буре,
Жизнь продолжается
среди зевков.

Последний след
последнего никота.
Последние
свершились чудеса.
Во внутренностях
рыжая лиса
копается
кого-то.
и чего-то.